

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе..., рассмотрев в закрытом заседании 27 августа 2020 года дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи Ю. окружного военного суда В. от 28 февраля 2020 года (вх. № ... от 03.04.2020) в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 29 июля 2020 года, в действиях (бездействии) адвоката М. не обнаружено нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, вследствие чего Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства.

Адвокат М., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета не явился, направил ходатайство с просьбой рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие (вх. № ... от 26.08.2020). Совет считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в отсутствие адвоката М., так как ранее им давались объяснения, а в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Совет, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив Заключение Квалификационной комиссии, полностью соглашается с её выводами, основанными на верно и полно установленных фактических обстоятельствах.

Дисциплинарное обвинение в отношении адвоката М. в том, что последний, в ходе проведения с участием присяжных заседателей судебного разбирательства уголовного дела по обвинению Б. в нарушение положений ст. 252, 257, 258, 334, 335 УПК РФ, ст. 9, 12, п. 2 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» нарушал установленный уголовно-процессуальным законом РФ порядок осуществления правосудия с участием присяжных заседателей, неоднократно допускал нарушения регламента и порядка в судебном заседании, создавал в зале судебного заседания обстановку нервозности, мешал суду и иным

участникам судебного разбирательства всесторонне, полно и объективно исследовать имеющие значение для правильного разрешения дела обстоятельства, что негативно сказывалось на реализации сторонами принципа равенства прав по предоставлению и исследованию доказательств и нарушало предусмотренный законом разумный баланс процессуальных прав сторон, подрывало авторитет суда, не нашло своего подтверждения.

Так, дисциплинарное обвинение адвоката М. в том, что он «во вступительном выступлении заявил, что подсудимый Б. «однажды имел несчастье отвезти Х. от порога дома своего брата», пытаясь оказать незаконное воздействие на присяжных заседателей и создать у последних предубежденность к доказательствам, которые будут представлены стороной обвинения», не нашло своего подтверждения, поскольку этой фразой адвокат М. в действительности сообщил присяжным заседателям о том, что его подзащитный не был участником банды под руководством Х., что он видел последнего лишь один раз в жизни, описав обстоятельства этой встречи.

При этом Совет подчёркивает, что критика (в терминологии частного постановления – создание «предубежденности») доказательств стороны обвинения является неотъемлемой составной частью осуществления защиты по делам, в которых есть спор защиты и обвинения.

Дисциплинарное обвинение адвоката М. в том, что он «в ходе судебного следствия во время допроса 29 января 2020 года свидетеля И. предпринял попытку к выяснению роста указанного свидетеля, не реагировал на замечания председательствующего, пререкаясь, предложил поставить подсудимого рядом с допрашиваемым свидетелем для сравнения роста в присутствии присяжных заседателей, т.е. фактически разрешить вопрос процессуального характера, связанный с проведением следственного эксперимента», также не нашло своего подтверждения, поскольку такое поведение адвоката М. было направлено на визуализацию показаний свидетеля И., который ранее сообщал в своих показаниях, что лицо, убившее сотрудников правоохранительных органов на автомобильном рынке, было выше его ростом, тогда как рост подзащитного адвоката М. составляет всего 160 см.

Таким образом, этими действиями адвокат М. не пытался разрешить вопрос процессуального характера в присутствии присяжных заседателей, а реализовывал позицию защиты, указывая на явные противоречия в доказательствах обвинения, что никак не может быть поставлено ему в вину.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат М., «нарушая и далее регламент судебного заседания, игнорируя рассмотрение дел с участием присяжных заседателей, в тот же день в ходе исследования протокола предъявления для опознания стал давать оценку данному доказательству, ставя его под сомнение и дискредитируя, сообщив, что свидетель И. фамилию подсудимого не сообщал», не нашло своего подтверждения, поскольку смысл заявления адвоката М. сводился к тому, что согласно исследованному протоколу предъявления Б. для опознания свидетелю И. последний в ходе опознания сообщил фамилию опознанного лица, тогда как

в ходе допроса в судебном заседании тот же свидетель И. говорил, что он фамилию Б. ранее не знал, а узнал её от третьих лиц только после предъявления того для опознания.

Совет вновь подчёркивает, что задачей и обязанностью защитника в судебном заседании как раз и является указание на пороки доказательств обвинения и противоречия в них, в связи с чем такие действия адвоката, совершённые в надлежащей форме и в надлежащий момент, являются необходимыми и правильными.

Дисциплинарные обвинения в том, что адвокат М. «30 января 2020 г. в ходе исследования объяснения свидетеля Х. предпринял попытку доведения сведений о месте проживания подсудимого Б. и мобильном телефоне его племянника, осуществляя тем самым незаконное воздействие на присяжных заседателей», а также в том, что «в ходе допроса подсудимого, адвокат М., продолжая оказывать незаконное воздействие на присяжных заседателей, путем постановки вопросов, довел до сведения присяжных заседателей о семейном положении своего подзащитного», также не нашли своего подтверждения, поскольку в частном постановлении суда не указано, как сведения о наличии у подсудимого Б. жены и племянника и мобильном телефоне последнего были способны вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. При этом из выписки протокола судебного заседания усматривается, что допрошенные по данному уголовному делу в присутствии присяжных заседателей свидетели А., Т., Л., С., сообщая установочные данные, также доводили до присяжных заседателей сведения о том, что они женаты, и это обстоятельство не рассматривалось председательствующим как способное вызвать предубеждение присяжных в отношении них.

Дисциплинарное обвинение в том, что 03.02.2020 адвокат М. «в нарушение требований законодательства, регулирующего производство в суде с участием присяжных заседателей, желая оказать на них незаконное воздействие, при оглашении показаний свидетеля Ха. в нарушение распоряжения председательствующего о пределах оглашения протокола допроса указанного свидетеля довел сведения, связанные с выяснением наличия у подсудимого Б. кровной мести к сыну допрашиваемого свидетеля Х., хотя это обстоятельство не входило в предмет доказывания по делу и не подлежало обсуждению с участием присяжных заседателей», также не нашло своего подтверждения.

В соответствии с ч. 1 ст. 243 УПК РФ председательствующий обязан принимать все предусмотренные УПК РФ меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон. При этом факт наличия кровной вражды между подсудимым Б. и Х. и обстоятельства ее возникновения входили в предмет доказывания по уголовному делу, поскольку имеют отношение к мотивам действий указанных лиц, и в силу этого подлежали исследованию судом с участием присяжных заседателей. Следовательно, указанные действия адвоката М. были направлены на реализацию подсудимым Б. права на защиту.

Совет также признает необоснованными дисциплинарные обвинения в адрес адвоката М. в том, что он допустил нарушение уголовно-процессуального закона при выяснении у свидетеля Ха. обстоятельств участия Б. в перестрелке, в ходе которой был ранен ее сын - Х., поскольку, Б. хотя и не обвинялся в участии в этой перестрелке, однако соответствующие сведения были изложены в показаниях Ха., данных ею на стадии предварительного следствия и оглашённых в судебном заседании. Кроме того, сторона обвинения не скрывала своего намерения использовать её показания против Б., что в дальнейшем и сделала, попытавшись вызвать у присяжных заседателей предубеждение к подсудимому.

Не нашло подтверждения и дисциплинарное обвинение в том, что «адвокат М. пререкался с председательствующим по поводу сделанного им разъяснения о том, чтобы присяжные заседатели не принимали во внимание показания допрашиваемого подсудимого в части его фразы о том, что он «в жизни курицу не резал», которые способны повлиять на вынесение присяжными заседателями вердикта». Адвокат М. был вправе возразить против указанных действий председательствующего судьи, поскольку обоснованно полагал, что ими нарушаются права его подзащитного.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат М., «опорочивая показания свидетеля С., которые являлись допустимым доказательством по делу, и оказывая незаконное воздействие на присяжных заседателей, стал выяснять, сможет ли последний «гарантировать, что через 13 лет даст те же показания»», не нашло своего подтверждения, поскольку этот вопрос адвоката был направлен не на признание доказательства недопустимым, а на обращение внимания присяжных заседателей на имеющиеся противоречия в показаниях свидетеля, и на обстоятельства проведения опознания подсудимого Б. по фотографии, сделанной спустя несколько лет после убийства военнослужащих, в целях последующей оценки указанных доказательств на предмет их достоверности.

Также материалами дисциплинарного производства установлено, что все указанные в частном постановлении случаи так называемого «пререкания» защитника представляли собой либо выяснение им у председательствующего мотива принятого последним решения о снятии вопроса защитника (например, вопрос свидетелю И. о его росте), либо выяснение обоснованности сделанного председательствующим разъяснения присяжным заседателям (образное изречение, как в случае с курицей), либо разъяснение позиции защиты о порядке исследования доказательств (предъявление в ходе допроса подсудимого фотографии подсудимого, сделанной в период совершения инкриминируемого ему деяния).

Совет обращает внимание на то, что статья 257 УПК РФ не содержит запретов стороне судебного разбирательства задавать вопросы председательствующему, в том числе и для реализации стороной предусмотренного ч. 3 ст. 243 УПК РФ права заявлять мотивированные возражения против его действий. Такими действиями защитника, осуществлявшего свои полномочия всеми не запрещёнными законом

способами, незаконного воздействия на присяжных заседателей не оказывалось, препятствий в проведении судебного заседания не создавалось.

Адвокат М., несмотря на сложную, конфликтную ситуацию, создавшуюся в судебном заседании из-за воспрепятствования ему в осуществлении полномочий защитника, не позволял себе проявлений неуважения к суду, обращаясь к председательствующему исключительно «Ваша честь».

Кроме того, в частном постановлении перечислены конкретные высказывания, произнесенные адвокатом М. в судебных заседаниях, и совершенные им действия, однако судья не указывает, положения каких именно норм уголовно-процессуального закона или законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре нарушает, по его мнению, каждое конкретное высказывание или действие адвоката, и почему именно.

В силу презумпции добросовестности адвоката бремя доказывания дисциплинарного обвинения возложено на лицо, по обращению которого возбуждено дисциплинарное производство, в данном случае – на судью Ю. окружного военного суда В. Однако к частному постановлению не приложен ни протокол судебного заседания, ни какие-либо иные материалы, подтверждающие выдвинутые дисциплинарные обвинения.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката М. не опровергнута, и им при обстоятельствах, описанных в обращении (частном постановлении) судьи, не допущено нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации", пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката М. по обращению (частному постановлению) судьи Ю. окружного военного суда В. от 28 февраля 2020 года (вх. № ... от 03.04.2020) вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков